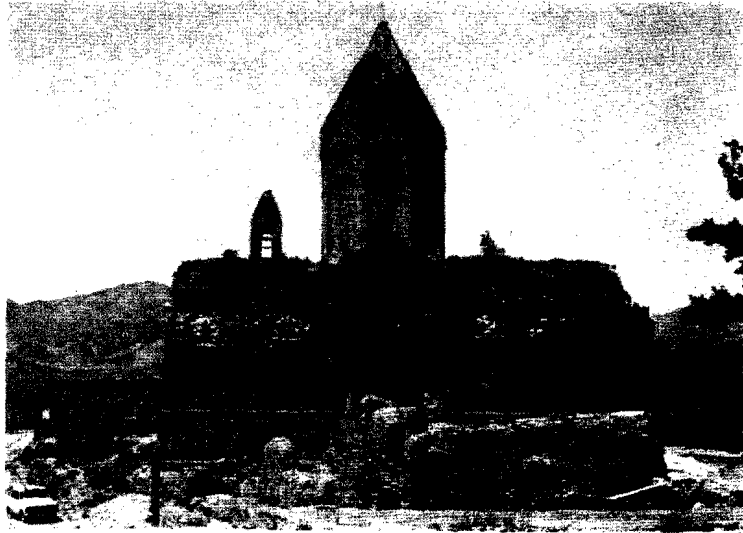

ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЧЕРНОМОРСКО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Церковь Св. Григория Просветителя в Шороте (Нахиджеван) в 1987 г.
до ее уничтожения в 2004 г. Фото А. Айвазяна

НАХИДЖЕВАН

в XX – начале XXI веков: некоторые факты

Церковь Св. Карапета в Абракунисе (Нахиджеван) в 1987 г.
до ее уничтожения в 2004 г. Фото А. Вартаняна

Москва
РУССКАЯ ПАНОРАМА
2011

ПОДДЕРЖКА ТУРЦИЕЙ МУСУЛЬМАН В КАНУН И ВО ВРЕМЯ МОСКОВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В НАХИДЖЕВАНСКОМ ВОПРОСЕ: НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ

В большевистско-турецких отношениях вопрос о Нахиджеване, или по сути вопрос о возможности передачи этой территории Азербайджану с закреплением его правового статуса в русско-турецком договоре, возник на более позднем этапе. Турецкая дипломатия, стремясь после вывода своих войск вернуть данную территорию не Армении, а передать ее под юрисдикцию Азербайджана, применила на переговорах новую тактику, отличавшуюся от позиции по Карсской области и Ардагану¹.

В посланном 24 апреля 1920 г. первом предложении о заключении договора с Советской Россией кемалистское правительство высказало свое видение совместной борьбы в Закавказье и будущее политическое устройство этого стратегически важного региона. Второй пункт предложений Анкарского правительства гласил: «Если Советские силы предполагают открыть военные операции против Грузии или дипломатическим путем, посредством своего влияния заставят Грузию войти в союз и предпринять изгнание англичан с территории Кавказа, Турецкое Правительство берет на себя операции против империалистической Армении и обязывается заставить Азербайджанскую республику войти в круг Советских государств»². Из этого предложения видно, что после установления советской власти на Кавказе кемалисты предполагали существование только двух республик: Грузии и Азербайджана, без Армении.

Предложение об установлении совместной границы содержалось и в первом письме командующего Восточным фронтом Кязима Карабекира советскому правительству Азербайджана от 23 июня 1920 г.³ В том же письме Карабекир говорил об «охране жизни и прав мусульманского населения» и «предотвращении возможности армянам продолжить избиения и нападения на мусульманское население»⁴.

Во втором письме Карабекира от 24 июня 1920 г. на имя командования 11-й Красной армии в Баку содержались предложения об установлении непосредственного сообщения через находящиеся в Нахиджеване турецкие войска и «по возможности скорейшей оккупации Зангезура турецкими войсками»⁵.

Интересно, что оккупация Зангезура турецкими войсками предлагалась на этот раз не с целью «предотвращения» якобы имевшего место «избиения мусульманского населения», а для «предотвращения все еще продолжающейся в Азербайджане английской пропаганды»⁶. И только в четвертом письме на имя командования 11-й Красной армии от 29 июля 1920 г. Кязим Карабекир «предупреждал», что «дашнакские контрреволюционеры хотят прервать связь через Нахичевань и продолжают избиение бедного населения и разграбление деревень в Зангезуре», не уточняя при этом, о каком населении идет речь, об армянском или мусульманском⁷. Интересно, что по имеющимся документам, ни во время русско-турецких переговоров 1920 г., ни во время подготовки и обсуждения Московского договора 16 марта 1921 г., вопрос будто бы имевшего место избиения мусульманского населения в Зангезуре турецкой стороной не поднимался.

Предложение Анкарского правительства соответствовало стремлению большевиков установить непосредственную границу с кемалистской Турцией. Так, по сообщению английской разведки, в марте 1920 г. один из членов большевистской делегации в Берлине отмечал, что «значительная часть России населена магометанами и наши курды, татары и черкесы противятся созданию буфера (так в тексте. – А.А.) между ними и их братьями по исламу»⁸. Тот же делегат на вопрос: «доставляете ли вы помощь войскам Энвера паши?», ответил: «Это не мое дело, но как я уже говорил раньше, татары не любят армян и мстят за своих турецких братьев»⁹.

На первых большевистско-турецких переговорах в Москве в июле-августе 1920 г. вопрос статуса Нахиджевана не обсуждался, а нахиджеванская проблема упоминалась лишь в общем контексте отношений, преимущественно как наиболее удобное место для установления сообщения между турками и большевистскими войсками. На встрече с заместителем народного комиссара по иностранным делам Львом Караханом последний информировал турецкую делегацию, что «отдан приказ в пользу Азербайджана оккупировать Карабах, район Алагез в Нахичевани и Зангезур», однако из-за тяжелого положения на польском фронте дальнейшее наступление на Армению невозможно¹⁰. На следующей встрече, состоявшейся только через де-

сять дней – 4 августа, Карахан проинформировал руководителя турецкой делегации, министра иностранных дел Анкарского правительства Бекира Сами, что частям XI Красной армии отдан приказ вступить на территорию Нахиджеванской области и через них возможно налаживание прямой связи с Анкарой¹¹. Однако за время переговоров Советская Россия заключила договор с Арменией, и на очередной встрече с турецкой делегацией 13 августа 1920 г. народный комиссар иностранных дел Г. Чичерин объявил, что по договору с Арменией Нахиджеван останется под оккупацией Красной армии, а селение Шахтагты и железнодорожная линия Джульфа–Шахтагты в пределах Республики Армения¹².

Основным камнем преткновения на этих переговорах стало предложение Чичерина о передаче вилайетов Ван, Битлис и Муш Армении. В ответ на предложение Чичерина руководитель турецкой делегации, министр иностранных дел анкарского правительства Бекир Сами бей, выдвинул контрпредложение о предоставлении независимости Северному Кавказу¹³.

Встретившись с жесткой позицией советской делегации в лице Чичерина и Карахана, турецкая делегация, по совету и при поддержке мусульман-большевиков в советском руководстве, предприняла обходный маневр, с целью обсуждения всех насущных для Турции вопросов непосредственно с В. Лениным. На встрече с Лениным турецкая делегация объявила, что «она с удивлением и сожалением восприняла решение советского правительства железнодорожную линию Нахичевань–Шахтагты отдать Армении, так как эта самая удобная линия для поддержания связи между нами»¹⁴. В своих воспоминаниях первый посол кемалистского правительства в Москве генерал Али Фуад Джебесой пишет, что в ответ на заявление турецкой делегации Ленин ответил: «Да, здесь произошла несправедливость и ошибка. Однако я надеюсь, что вопрос будет изучен, и в течение трех–четырех дней мы найдем соответствующее решение»¹⁵. Более важное значение для турецкой делегации имели слова Ленина о том, что «нет сомнения, что в скором времени мы в удобной для нас форме вступим в Армению и Грузию»¹⁶. На следующей встрече Чичерин от имени большевистского правительства выразил согласие на оккупацию турецкими войсками Сарыкамыша и Шахтагты, вместе с тем попросив гарантию того, что турецкие войска не предпримут резни армянского населения¹⁷. Однако Бекр Сами отказался дать подобную гарантию, вместо этого заявив, что необходимо по возможности скорее остановить продолжающиеся якобы в Карсе, Нахиджеване и

Шахтагтах погромы мусульманского населения¹⁸. Примечательно, что во время русско-турецких переговоров 1920 г. глава турецкой делегации Бекир Сами признал факт избиения армян в Азербайджане с оговоркой, что это не дает права армянам поступать подобным образом с мусульманами в Карсе¹⁹. Необходимо отметить, что требование гарантий со стороны Чичерина объяснялось не столько гуманистическими, сколько политическими соображениями, о которых он писал в Политбюро в письме от 5 октября 1920 г.: «Орджоникидзе указывает, что если турки будут продвигаться в глубь Армении, мы должны будем предложить армянам занять всю их страну нашими войсками для предотвращения резни, каковая была бы самой чудовишной. О наших связях с кемалистами столько кричали. Что такого рода зверства нас могут ужасающим образом дискредитировать»²⁰.

Позиция Чичерина, Карахана и других на первых русско-турецких переговорах в 1920 г. свидетельствует, что в большевистском правительстве осознавали необходимость сохранения Армении в качестве противовеса будущим устремлениям Турции. В посланном 5 октября 1920 г. в Политбюро письме Чичерин указывал: «При обсуждении армяно-азербайджанских споров, я все время указывал, что в случае поворота турецкой политики на путь завоевательских тенденций на Кавказе, Армения будет против нее барьером и будет нас защищать. Теперь Орджоникидзе указывает на контрреволюционную роль турецких пашей на Кавказе»²¹. Необходимость противодействия турецким планам по уничтожению Армении в качестве отдельного государства просматривается и в указаниях Чичерина Элиаве перед поездкой в Турцию от 14 декабря 1920 г., где Чичерин предписывал «не соглашаться с выдвинутыми Турцией каким-либо планам раздела Армении, если подобный будет представлен нам»²².

Здесь необходимо отметить, что планы Чичерина в отношении Армении были известны и турецкой делегации. Так, Али Фуад Джебесой в своих воспоминаниях описывает опасения кемалистского правительства по поводу Каресской конференции: «Выступающую от имени Азербайджана делегацию сделав сообщником армян, [попытались] вновь столкнуть нас с Арменией. Таким образом, по возможности обеспечив интересы армян и превратив ее в естественный барьер на пути исламской и пантюркистской политики, они бы сделали господами армян, а перед западным пролетариатом предстали бы в качестве либералов»²³.

Встретившись с сильным противодействием и осознав бесплодность планов по уничтожению Армении как политического образова-

ния, турецкая дипломатия изменила тактику, поставив себе целью максимально урезать территорию Армении, путем передачи мусульманонаселенных районов Азербайджану и приобретения общей с ним границы. Изменение в поведении Турции не осталось незамеченным большевистским руководством, и в телеграмме Ленину от 23 ноября 1920 г. Сталин отмечал: «По сообщению Орджоникидзе турки уже теперь стараются завести связь с недовольными элементами Азербайджана, принимают петиции от последних и стремятся иметь общую границу с Азербайджаном, что особенно опасно теперь»²⁴. Подобная же граница с Азербайджаном могла быть установлена только в одном месте – в Нахиджеване, при условии, что турецкой дипломатии удастся после вывода войск данную территорию передать в состав Азербайджана.

Изменение тактики неизменно привело и к изменению хода ведения переговоров, где при обсуждении армяно-азербайджанских споров турецкая дипломатия, всячески поддерживая Азербайджан, вместе с тем пыталась предстать в качестве нейтральной стороны. Подобная возможность представлялась Турции лишь путем позиционирования себя в качестве покровителя (протектора) кавказских мусульман. Свою заинтересованность турецкая сторона оправдывала стремлением якобы избавить «народ братского Азербайджана от нападений армянских банд и предотвращения дальнейшей возможности резни мусульманского населения». Выдвижение этого обоснования позволило кемалистской дипломатии более настойчиво настоять на пункте передачи мусульманонаселенных районов Азербайджану. В отношении же мусульманонаселенных территорий Грузии, таких как Аджария, турецкая дипломатия выдвинула принцип предоставления автономии²⁵.

Тактика выступления в качестве покровителя мусульман для турецкой дипломатии была не новой и апробированной уже как во времена Османской империи, так и после ее распада. Достаточно указать, что как в качестве повода для нарушения Эрзинджанского соглашения 1917 г. и последовавшего затем перехода турецкой армии в наступление, так и в качестве предлога для армяно-турецкой войны 1920 г. турецкая дипломатия указывала на свое стремление защитить мусульман от «нападений и резни со стороны армян». Так, в посланном 6 октября 1920 г. кемалистским руководством в Москву предписании Бекиру Сами, касательно дачи объяснений большевистскому правительству по поводу турецкого нападения на Армению, в качестве предлога назывались «организованная правительством даш-

накской Армении и связанных с ними резня мусульманского населения»²⁶.

Выступая в качестве покровителя мусульман, турецкая делегация скоординировала свои действия с азербайджанской. Координация позиций между турецкой и азербайджанской делегациями началась еще в Баку, через который проезжала турецкая делегация, направляясь в Москву. Тогда Нариман Нариманов дал совет члену турецкой делегации: все вопросы обсуждать и решать с наркомом по делам национальностей И. Сталиным, который в отличие от Г. Чичерина обладал реальной властью²⁷. Кроме того, в одном поезде, в соседних с турецкой делегацией вагонах, ехал председатель азербайджанской делегации Бейбут Шахтагинский, который на всем протяжении пути до Москвы консультировался с Риза Нуром²⁸.

По приезде в Москву турецкая и азербайджанская делегации выступили с одинаковых позиций и с идентичными требованиями в отношении Нахиджевана. Согласно воспоминаниям Али Фуад Жебесоя, его «посетили прибывшие недавно в Москву глава азербайджанской делегации Бейбут Шахтагинский и министр Гаджинский. Во время встречи Бейбут, проинформировав, что находящаяся в Москве армянская делегация добилась согласия советского правительства на включение в состав Армении Нахичевана и Зангезура, сказал, что Коммунистическая партия Азербайджана, в составе которой есть и армяне, не согласна с этой аннексией и предлагает, чтобы Нахичеван был включен в состав Азербайджана или Турции, или же остался в качестве самостоятельного правительства. После прибытия в Москву эту точку зрения они донесли до сведения советского правительства. Во время переговоров с Советами мы тоже выскажем свое мнение подобным образом»²⁹. В посланной советскому правительству турецкой ноте от 27 декабря 1920 г. говорилось, что «население Нахиджевани и Карабаха активно протестует против передачи этих районов Армении»³⁰.

Позиция Турции была обыграна и азербайджанской делегацией. В телеграмме на имя Г. Орджоникидзе в марте 1921 г. Б. Шахтагинский писал: «На Карабекира удручающее впечатление произвел акт Азревкома об уступке Армении Зангезура и Нахичеванского района после телеграммы Мустафы Кемалю, выразившего чувство глубокого удовлетворения ввиду окончательно определившегося положения Азербайджана и умолявшего от имени великого национального собрания сохранить это положение, дабы не дать врагам материала для провокации. Карабекир особенно резко не реагирует на этот акт, но

находит, что по тактическим соображениям Азревком не должен был торопиться разрешением этого вопроса. Хотя бы до окончания конференции, так как акт этот предписывается влиянию России»³¹. Далее Шахтактинский предлагал самостоятельность Нахиджеванского края «под покровительством России»³².

На советско-турецких переговорах в Москве в 1921 г. впервые с позиции покровителя кавказских мусульман Турция выступила на заседании политической комиссии 10 марта 1921 г., когда при обсуждении вопроса Батуми она указала, что «изъявляет согласие на то, чтобы город и порт с территорией были поставлены под сюзеренитет Грузии при условии широкой автономии населения и признания за мусульманами прав, касающихся их культуры, религии и свободного пользования землей»³³.

В тот же день на заседании политической комиссии был обсужден вопрос о Нахиджеване. Как записано в стенограмме заседания комиссии: «По вопросу о Нахичевани Турецкая делегация полагает, что в силу самого факта призвания населением турецких войск, Нахичевань состоит под покровительством Турции. Тем не менее она согласна уступить это покровительство Азербайджану, при условии получения от Азербайджана обязательства не уступать этого покровительства третьему Государству.

Турецким войскам трудно было бы остаться безучастными, если бы это вновь произошло, как это раз уже имело место, и если бы вновь повторилось избиение населения.

Российская Делегация отмечает опасность принятия подобного принципа интервенции, так как избиения немусульманского населения равным образом имели место, например, в Карсе. Поэтому надлежит окончательно установить как режим, так и границу. Российская Делегация предлагает поэтому, просто поставить автономию Нахичевани под покровительство Азербайджана. Если подобная переуступка и могла иметь место, то это было вследствие отсутствия договора, но если бы эта статья договора была нарушена ныне, то это было бы нарушением всего договора. Вследствие сего не представляется необходимым включать постановление об отдельной гарантии.

Кроме того, Российская Делегация не может принять формулу, по которой Турция уступает свое право покровительства, в виду того, что Александропольский договор не был ратифицирован, а призыв турецких войск населением не усвоил должного характера юридической достоверности, чтобы служить основанием для такого покровительства. С другой стороны, достоинство народного суверенитета не

допускает переуступки своих прав над живыми существами. Наконец, представляется затруднительным включить в договор обязательство, имеющее быть исполненным Азербайджаном, тогда как это государство не представлено.

Российская Делегация предлагает поэтому найти формулу, определяющую, что область Нахичевани будет непрерывно связана с Азербайджаном и будет пользоваться автономией под его покровительством. По просьбе Турецкой Делегации вторая часть этой формулы редактируется следующим образом: «При условии, что Азербайджан не уступит этого протектората никакому третьему Государству».

Граница самой Нахичевани подлежит определению военными экспертами»³⁴.

Приведенный отрывок из стенограммы заседания политической комиссии интересен тем, что *турецкая делегация, не имея никаких политических, юридических, исторических или иных прав на территорию Нахиджевана, свое право обосновывало ipso facto наличием турецких войск на данной территории, т. е. – принципом открытой аннексии, что неприемлемо с точки зрения международного права.* Во-вторых, турецкая делегация стремилась и на будущее закрепить за собой права гаранта и покровителя мусульманского населения, как и возможность интервенции под предлогом восстановления *status quo*. И, наконец, турецкая делегация стремилась включить в текст договора отдельную статью, которой закреплялись бы ее вышеперечисленные права.

Помимо прочего, турецкая сторона попыталась обосновать свое право на покровительство тем аргументом, что будто бы имелось место избиение мусульманского населения. Однако в указанном случае она получила отпор российской делегации, приведшей факт (действительного, а не вымышленного, как в вышеуказанном случае) избиения армян в Карсе. На заседании же политической комиссии 12 марта 1921 г. Турция выступила с ответным заявлением, отрицавшим факт избиения «немусульманского населения Карса»³⁵.

После заседания политической комиссии 10 марта 1921 г. делегации обменялись своими проектами договора. В русском проекте договора, в статье 3, было записано, что «Обе Договаривающиеся Стороны согласны, чтобы нахичеванская область в границах, указанных в статье... образует автономную область под покровительством Азербайджана при условии, что Азербайджан не уступит сего протектората никакому третьему государству»³⁶. В турецком контрпроекте кроме вышеприведенного определения были включены географиче-

ческие координаты границ Нахиджеванской области: «В образующей треугольник зоне Нахичеванской территории, заключенной между тальвегом Аракса, линией горы Данна /3829/ – Вели Даг /4121/ – Багарзик /6587/ – Кемурлу Даг /6930/, переходящая через гору Сарай Булаг /8071/ – станцию Арарат и оканчивающаяся у скрещения Кара-Су с Араксом, будет исправлена Комиссией, состоящей из делегатов Турции, Азербайджана и Армении»³⁷.

Следует отметить, что территориальные определения Нахиджеванской области турецкой делегацией намного превышали претензии даже азербайджанской делегации, которая указывала несколько иные координаты.

На переговорах при возникновении затруднении в получении желаемых для себя уступок, турецкая делегация последовала совету Н. Нариманова и обратилась к Сталину, который и решил многие вопросы, в том числе о границах Нахиджевана, в пользу турецкой стороны³⁸. Здесь немаловажен тот факт, что Г. Чичерин в большевистском руководстве не пользовался каким-либо политическим авторитетом, оставаясь «спецом», а И. Сталин был влиятельным революционером-большевиком³⁹.

Обсуждение нахиджеванской проблемы было продолжено на заседании политической комиссии 12 марта, на которой турецкая делегация вновь выступала с позиций покровителя мусульман. По вопросу границы Нахиджеванской области и Армении российская делегация отметила, что установленная турецкими экспертами линия границы превышает максимум требований Азербайджана, «никогда не выражавшего желания осуществлять свое покровительство над какой-либо частью Эриванского уезда и неизменно признававшего своей крайней границей Волчьих ворота»⁴⁰. Чичерин предложил придерживаться границы округа Шарур-Даралагез, «как наиболее соответствующей этнографическому принципу»⁴¹. В ответ Юсуф Кемаль предложил округ Шарур-Даралагез также включить в состав Нахиджеванской области и наряду с этим категорически возразил против предложения российской делегации границу между Нахиджеваном и Арменией считать временной. В стенограмме заседания было зафиксировано, что «турецкая делегация настаивает, что этот вопрос является весьма важным для безопасности восточной границы Турции и что он должен получить окончательное разрешение с исключением возможности каких-либо переговоров по этому поводу между Арменией и Азербайджаном»⁴². Согласившись с подобной постановкой вопроса, российская делегация указала, что «в таком случае надлежит

придерживаться границы, которую прежде требовал сам Азербайджан»⁴³. В окончательном варианте, по настоянию Турции, округ Шарур-Даралагез был включен в состав Нахиджевана (в дальнейшем в состав Нахиджевана вошла только часть данного округа), «тогда как в спорной части Эриванского округа граница начиная от Кемурлу-Дага – гора Сарай-Бурак – станция Арарат будет предметом ратификации со стороны Смешанной Комиссии, в составе из Армянского, Азербайджанского и Турецкого представителей»⁴⁴.

Позиция Турции в качестве покровителя мусульман, уступка большевиками своих первоначальных позиций и согласие с турецкими требованиями не ускользнули от внимания делегации Советской Армении, которая хотя и не принимала участия в Московской конференции 1921 г., но внимательно следила за всеми перипетиями переговоров и достигнутых посредством их соглашений. В письме на имя Г. Чичерина наркоминдел Советской Армении А. Бекзаян особо отметил, что «Выступление турецких делегатов в роли покровителя обиженных мусульман Закавказья вовсе не к лицу были им, и на это следовало обратить надлежащее внимание. Пользуясь случаем, Армянская Делегация находит уместным заявить здесь, что лучшей защитницей трудовых масс мусульман Закавказья могла бы быть РСФСР и этого своего права и призвания никому она не должна была уступать, особенно же идеологам полуфеодалной аристократии Востока и пантюркизма. Эти идеологи, надев на себя личину защитников мусульман, тем самым на конференции ловко замаскировали свои тайные вожелания оккупировать новые территории, что, к сожалению, не было должным образом разоблачено на указанной конференции представителями Рабоче-крестьянской России. Так, например, в вопросе о Нахичевани и Шарур-Даралагезе российская делегация не проявила должной настойчивости в отстаивании своих позиций и позволила турецкой делегации выступить в роли покровительницы мусульман этого района, несмотря на то, что судьба Нахичевани и его района определялась декабрьской декларацией Азревкома и дополнительной январской декларацией Армревкома»⁴⁵.

Таким образом, выступая в качестве покровителя мусульман и используя факт аннексии территории турецкими войсками, Турции удалось во время московских переговоров добиться передачи Нахиджеванской области в несколько расширенных границах Азербайджану и закрепить юридическое обязательство о неперечислении данной территории третьему государству, т. е. – Армении. Данное положение в дальнейшем нашло свое отражение с формулировкой

«под покровительство» и при заключении Карсского договора от 13 октября 1921 г.

В заключение уместно вкратце перечислить причины, повлиявшие на ход переговоров и уступчивость российской делегации в вопросе отдачи Нахиджеванской области под протекторат Азербайджана. Их можно обобщить в две группы: идеологические и прагматические.

Идеологические состоят в надежде и расчетах на помощь Турции в вопросе распространения мировой революции и влияния Советской России на мусульманском Востоке⁴⁶. Как писал представитель РСФСР в Армении Б. Лигран в своем письме на имя наркома иностранных дел Г. Чичерина от 22 декабря 1920 г.: «Если окажется, что турки способны оказать революционное давление на соседние мусульманские страны, что они смогут поднять революционное движение на Востоке – это будет превосходно, тогда им надо предоставить свободу самостоятельных действий, дать им Нахичевань, потеснить советскую Армению и пр.»⁴⁷.

Прагматические же причины состоят в стремлении не оттолкнуть турок, тем самым не создавая трудностей для установления советской власти на Северном Кавказе и Азербайджане, во влиянии поражения в советско-польской войне 1920 г. Этот прагматический подход обобщен в сов. секретном письме посла СССР в Турции Я. Сурица на имя заместителя наркома иностранных дел Л. Карахана от 10 октября 1927 г., в котором говорится следующее: «Мы помогли туркам в момент, когда они боролись против империализма, но мы этой помощью еще прикрывали опасность проникновения империалистов на наш Кавказ. Эта помощь диктовалась не только нашими симпатиями и сочувствием национально-освободительному движению, но и интересами военной безопасности нашей собственной территории»⁴⁸.

Примечания:

¹ На переговорах в Брест-Литовске в марте 1920 г. правительство Османской империи, воспользовавшись провозглашенным большевиками принципом «мир без аннексий и контрибуций», добилась возвращения отторгнутой в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и аннексированной в 1882 г. Карсской области и Ардагана. Линия русско-турецкой границы прошла по Араксу. Сменившие младотурок кемалисты в своих переговорах с большевиками в августе 1920 г. также выдвинули принцип, согласно которому необходимо было придерживаться линии границы, установленной по Брест-Литовскому договору.

² Архив Внешней Политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 132. Референтура по Турции. Оп. 3, п. 2, д. 2. Л. 3.

³ *Şevket Süreyya Aydemir*. *Suyu Arayan Adam*. İstanbul, Remzi Kitabevi, 1997. s. 199.

⁴ *Ali Fuat Cebesoy*. *Moskova Hatıraları* (21/11/1920–02/06/1922). – İstanbul, Vatan Neşriyatı, 1955. S. 33.

⁵ *Ibidem*. S. 34.

⁶ *Ibidem*.

⁷ *Ibidem*. S. 35.

⁸ АВП РФ. Ф. 132. Референтура по Турции. Оп. 3, п. 2, д. 2. Л. 15.

⁹ Там же.

¹⁰ *Ali Fuat Cebesoy*. *Op. cit.* S. 63.

¹¹ *Ibidem*. S. 64.

¹² *Ibidem*. S. 69.

¹³ Более подробно об этом см.: *Авагян А.* Манипуляция вопросом о независимости Северного Кавказа на русско-турецких переговорах 1920 года // «Вестник Ереванского университета» (Ереван), серия «Общественные науки», 2010, № 133, 6. С. 30–45 (на арм. яз.).

¹⁴ *Ali Fuat Cebesoy*. *Op. cit.* S. 73.

¹⁵ *Ibidem*.

¹⁶ *Ibidem*.

¹⁷ *Ibidem*. S. 83.

¹⁸ *Ibidem*.

¹⁹ *Yusuf Kemal Tengirşek*. *Vatan Hizmetinde*. – İstanbul, 1976. S. 166.

²⁰ АВП РФ. Ф. 04. Секретариат Чичерина. Оп. 39, п. 232, д. 52990. Л. 40.

²¹ АВП РФ. Ф. 04. Секретариат Чичерина. Оп. 39, п. 232, д. 52987. Л. 40.

²² Там же. Л. 66.

²³ *Ali Fuat Cebesoy*. *Op. cit.* S. 113.

²⁴ АВП РФ. Ф. 04. Секретариат Чичерина. Оп. 39, п. 232, д. 52987. Л. 47.

²⁵ *Dr. Rıza Nur'un*. *Moskova-Sakarya Hatıraları*. – İstanbul, Boğaziçi Yayınları, 1991. S. 43.

²⁶ *Ali Fuat Cebesoy*. *Op. cit.* S. 92.

²⁷ *Dr. Rıza Nur'un*. *Op. cit.* S. 56. Примечательно, что на вопрос, является ли правительство Советского Азербайджана большевистским, Н. Нариманов ответил: «Что такое большевизм? Этот срам нас не касается. Мы, турки, будем жить своей нацией» (*ibid.* S. 56).

²⁸ *Ibidem*. S. 66.

²⁹ *Ali Fuat Cebesoy*. *Op. cit.* S. 67.

³⁰ АВП РФ. Ф. 0132: Референтура по Турции. Оп. 3, п. 101, д. 5. Л. 13.

³¹ Письмо полномочного представителя Азербайджанской ССР в

РСФСР Б. Шахтагинского члену Кавказского Бюро ЦК РКП (б) и РВС Кавказского фронта Г. Орджоникидзе, излагающее отрицательное отношение турок к отказу Азербайджанской ССР от спорных территорий в пользу Армении и его «аргументы» в пользу пересмотра этого решения (см.: Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Документы и комментарии. Т. 1 / Составитель Ю. А. Барсегов. – М., 2008. С. 616.

³² Там же.

³³ АВП РФ. Ф. 04. Секретариат Чичерина. Оп. 39, п. 232, д. 52998. Л. 37.

³⁴ Там же. Л. 39–40.

³⁵ АВП РФ. Ф. 04. Секретариат Чичерина. Оп. 39, п. 232, д. 52998. Л. 49.

³⁶ АВП РФ. Ф. 04. Секретариат Чичерина. Оп. 39, п. 232, д. 52997. Л. 38.

³⁷ Там же. Л. 42.

³⁸ *Ali Fuat Cebesoy*. Op. cit. S. 139–140.

³⁹ По поручению В. Ленина на состоявшемся в марте 1921 г. X съезде РКП (б) И. Сталин обрушился с критикой на Г. Чичерина, предупредив о недопустимости «уклона» в Наркоминделе и обвинив его в «недооценке межкапиталистических противоречий» (см.: *Черняков Ю.* Дипломаты, чиновники и другие. Советские министры иностранных дел (1917–1991). – Нью-Йорк, 1996. С. 27–28).

⁴⁰ АВП РФ. Ф. 04. Секретариат Чичерина. Оп. 39, п. 232, д. 52998. Л. 54.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Л. 55.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ АВП РФ. Ф. 04. Секретариат Чичерина. Оп. 39, п. 232, д. 52997. Л. 59.

⁴⁶ По характеристике А. Ф. Джебесоя: «Когда начинались разговоры о мировой революции, большевики в первую очередь имели в виду восточные и азиатские народы» (см.: *Ali Fuat Cebesoy*. Op. cit. S. 17).

⁴⁷ Письмо полномочного представителя РСФСР в Армении Б. Ляграну народному комиссару иностранных дел Г. Чичерину от 22 декабря 1920 г. о недоверии турок к политике РСФСР и о необходимости их поощрения за счет территории Советской Армении (см.: Док. № 642 // Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Документы и комментарии. Т. 1 / Составитель Ю. А. Барсегов. – М., 2008. С. 606).

⁴⁸ АВП РФ. Ф. 08. Секретариат Карахана. Оп. 10, п. 38, д. 263. Л. 27.

Михаил Агаджанян

ПРОБЛЕМА НАХИДЖЕВАНА В ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Нахождение Нахиджевана в поле геополитического внимания региональных и внешних сил присутствовало на определенных этапах развития ситуации в Южном Кавказе и вокруг него в предшествующие десятилетия. Однако об этой территории преимущественно вспоминали тогда, когда основные государственные субъекты региона Южного Кавказа переживали этапы своего государственного становления, будь то 1920-е или 1980–90-е годы. Обсуждения вокруг этой территории также получали свое наглядное воплощение при любом развитии ситуации, когда в том или ином контексте приходили в столкновение интересы основных региональных и внешних акторов, таких как Турция, Иран, Россия и США, Великобритания, крупнейшие континентальные страны Европейского Союза. Подобные обсуждения не акцентируются в официальной повестке отношений указанных акторов, скорее они присутствуют в виде периодически появляющихся вбросов информации о бедственном социально-экономическом и ущемленном политико-правовом статусе Нахичевана со стороны аналитических центров и отдельных экспертов.

Таким образом, вокруг темы Нахиджевана формируется информационно-аналитическая дискуссия, из которой региональные и внешние силы делают определенные выводы и в дальнейшем, возможно, будут строить свою политику по приведению статуса Нахиджевана в соответствие объективным реалиям политической ситуации в Южном Кавказе.

Что это за реалии?

Политические реалии свидетельствуют о нахождении Нахиджевана в информационном вакууме и на политической периферии в составе Азербайджана. Об этой территории нет сколько-нибудь достоверной информации на предмет оценки реальных социальных, экономических, внутривосточных процессов¹.